

В.В.БРЫСКИН

КАК Я ПОЛУЧАЛ МЕДАЛЬ

**Новосибирск
1997**

Пожалуй, этот рассказ может быть интересен только тем людям, которые прочитали мои записки под названием «Тихоокеанский флот»: уж очень многое в нём связано с былыми событиями морской службы, которые заново описывать просто нет никакой возможности.

Итак, вместо того, чтобы на старости лет спокойно заниматься своей основной околонаучной деятельностью, я «ударился» в сочинение воспоминаний. Сначала мои творения приняли форму рассказов о приобретении и ремонте в советское время двух- и четырёхколесных средств передвижения, а также о внешне бессмысленных поездках на этих «средствах» по бескрайним просторам родной страны. Однако полностью оторваться от остальных реалий прошлого при этом, естественно, не удалось, и я так или иначе вспоминал свою морскую службу, всё-таки она продолжалась целых семнадцать лет: семь — в училище и десять — на Тихоокеанском флоте. Нетрудно догадаться,

что это были лучшие годы моей жизни, и, вспоминая их, я разбредил остатки морской своей души. Результатом этого и было появление сочинения под уже упомянутым в начале рассказа названием.

Окончание работы над «морскими» записками пришлось на первую половину 1996 года, когда среди других тем информационных сообщений прессы и телевидения нет-нет да вспоминали о 300-летию Российского Флота. В ознаменование этого события была учреждена специальная медаль, ею наградили первых лиц государства, затем настал черёд ветеранов Великой Войны и других заслуженных моряков. Я очень мало смотрю телевизор, но сцены подобных мероприятий пару раз попадались мне на глаза, наблюдал я их с чувством некоторой причастности к знаменательному событию.

Пассивным наблюдением дело не заканчивалось. Собрав все свои доступные денежные средства, я купил безобразно дорогой лазерный принтер и принялся печатать на

нём своё творение для ознакомления ни в чём не повинных персонажей, друзей и родственников. Картридж принтера, запасы порошка в котором определяют возможности печати, довольно-таки быстро опустел, но пару десятков экземпляров сочинения попали в разные части нашей страны, в том числе, — и к училищным друзьям, большая часть которых проживает в нынешнем Санкт-Петербурге.

Хотя после начала нашей учёбы в Подготовительном училище прошло пятьдесят лет, отношения среди постаревшей братии остаются прежними, и пожалуй, даже покрепче с учётом приобретённого жизненного опыта и того обстоятельства, что многих наших однокашников уже нет в живых. Кроме всего прочего, внешне это выражается в регулярной организации памятных встреч каждые пять лет после выпуска офицерами и в связи с другими «круглыми» датами (например, — юбилеями нашего командира — Ивана Сергеевича Щёголева). С каждым разом собирать пожилых людей в Пе-

тербурге становится всё тяжелее, но в этом году «большой» юбилей Флота совпал с пятидесятилетием того дня, когда мы напялили тельняшки, и наш Оргкомитет (есть такая негласная, но весьма авторитетная организация) решил объявить «большой сбор» и отметить памятные даты.

Среди наших ребят, имеющих возможность прочитать моё сочинение, закономерно оказался Коля Загускин — не только один из заводил упомянутого Оргкомитета, но и вдобавок главный «архитектор» литературно-художественной части упомянутых встреч. Как правило, эта часть включает изготовление описания памятных мероприятий с включением стихотворных и прозаических творений участников, а также опыты по сравнительному фотографическому анализу нашего поколения.

Надо сказать, что во всех этих делах Коле «и карты в руки»: он не только с малых лет увлекается фотографией и сочинительством, но и умудрился одновременно с военной службой закончить сценарный факультет

Николай Евгеньевич Загускин (наши дни).

ВГИК, а нынче работает редактором. Другу моему воспоминания понравились, и он заразился идеей издать их для более широкого распространения.

Как я уже упоминал, возможности самостоятельного типографского творчества к

этому времени были исчерпаны, и я начал искать пути промышленного изготовления оттисков своей книжки. Замысел успеть с этим делом к встрече однокашников придал этим поискам мощный импульс: поехать в далёкую северную столицу из-за ишемической болезни затруднительно, но зато...

Все эти действительно здравые доводы попеременно с низменными инстинктами несколько облезлого начинающего автора погнали меня по местным издательствам и типографиям. Надо сказать, что к описываемому времени у меня уже имелся некоторый опыт издания двух научных брошюр, и поэтому особых иллюзий по поводу доступности и свойств типографского станка я не испытывал. Зато у меня было мощное подспорье в лице приятеля — директора крупнейшей научно-технической библиотеки, естественно, знакомого со всеми перипетиями книгоиздательства. Приятель был в отпуске и охотно сопровождал меня в качестве эксперта.

Отправившись в поход, мы постепенно переходили от одного полиграфического предприятия к другому и, наконец, оказались на задворках Академии сельскохозяйственных наук (в Новосибирске есть и такая), где хозяин частной типографии взялся выполнить наш заказ по цене, вшестеро меньшей, чем запрашивали его именитые коллеги. Разумеется, я сам должен был изготовить оригинал-макет и на свой страх и риск выполнить всю редакторскую работу. Следует заметить, что все лица мужского пола, участвующие в поисках доступной типографии (а ведь это были потенциальные конкуренты), и сам подрядчик, узнав о содержании и целях моего сочинения, в высшей степени доброжелательно относились к затее; этим, очевидно, объясняется и довольно скромная цена, назначенная за выполнение работы. В кратчайшее время я изготовил и отвёз оригинал книги в типографию, уплатил задаток и принялся ждать результата, до назначенной встречи однокашников оставалось примерно два месяца. К слову, я умышленно не стал

снабжать своё творение атрибутами казённого типографского издания, чтобы не скрывать откровенно самодеятельный характер всего начинания.

Но только эти непосредственные издательские занятия не исчерпывали полноты событий, так или иначе связанных с изготовлением книжек. Многократно форматируя текст для разных вариантов печати и прислушиваясь к многочисленным советам знатоков русского языка, я ещё и ещё раз переживал минувшие события, давно не находящиеся рядом люди казались мне доступными для общения (причём в том, «прежнем» виде). У пожилых людей плохой сон, и я опять по ночам стал задыхаться от невозможности подать нужную команду, когда лодка «завалила» дифферент на нос и патроны регенерации с грохотом катятся по отсеку. При этом два числа: 300 и 50, в моём сознании начали приобретать некоторое необычное значение. Мне стало казаться, что события нашей жизни не так уж мелки и со-

измеримы с происшедшими на долгом историческом пути всей страны и её Флота.

Имея перспективу получить две сотни отпечатков книги, я принялся за поиски сослуживцев или их наследников, чтобы так или иначе успеть сказать им... Собственно, что? Мне трудно выразить это словами связной речи, но я почувствовал, что нет ничего роднее, чем встретившиеся мне «морские» люди, они — самое дорогое в жизни, и ничего лучшего просто уже не будет. И всё это я обязан как-то выразить каждому из них всеми доступными средствами.

Между тем, с объяснениями нужно было торопиться. Буквально в эти осенние дни умер инженер-капитан 1 ранга Вячеслав Григорьевич Земцов. Если помнит читатель воспоминаний, это был первый морской офицер, который вышел ко мне в 1963 году из Института гидродинамики и по-человечески объяснил, в какую организацию я попал служить. Три года назад, когда мы пришли поздравить Вячеслава Григорьевича с семидесятипятилетием, он очень удивил

меня совершенно неожиданными талантами: среди его самодеятельных картин был поразительный по достоверности автопортрет. Я ещё подумал о том, как трудна задача не наврать о себе в любом произведении: ведь точка зрения для объективных описаний весьма неудобная. А свою книжонку доковому инженеру военной поры показать мне уже не привелось...

Среди людей, которым я отправил экземпляры книги, отпечатанной на лазерном принтере, был мой бывший комбриг — капитан 1 ранга Виктор Яковлевич Кириенко. Убыв из Магадана, я потерял связь с ним. По редко доходящим до Новосибирска сведениям мне было известно, что на второй или третий год идиотского заполярного сидения наш комбриг «сорвался»: сыграл какую-то несанкционированную начальством тревогу и произвёл другие неположенные действия. Естественно, его сняли с должности, и службу он кончал заместителем у тоже упомянутого мной в записках Новиченко, человеческие и военные качества которого вы-

зывали у меня куда меньшую симпатию. Все детали этой истории мне не известны, и я не решился описывать её в своём сочинении. Но я твёрдо убеждён, что срыв комбрига — следствие бессмысленной передислокации бригады в Магадан. В своё время я попросил Юру Назарова узнать в штабе флота, куда уволился Кириенко в запас. Потом вступил в переписку с военкоматами для определения нынешнего места жительства бывшего тихоокеанца. Переписка эта закончилась получением вежливого письма гатчинского военкома.

Гатчинский
Объединенный
Городской военный
Комиссариат

Уважаемый Владимир Вениаминович, выполняя Вашу
просьбу сообщаю адрес вашего бывшего сослуживца:
г. 188350 Ленинградская область, г. Гатчина, улица Новосё-
лов, д. 9, крп. I, кв. 55.
г. Гатчина

С уважением:

ВОЕННЫЙ КОМИССАР Г. ГАТЧИНА

полковник

В. ФИЛОНЕНКО

Письмо как письмо, я тут же отправился на почту и отослал экземпляр «Тихоокеанского флота» по указанному адресу, надеясь, что Виктор Яковлевич оценит мои запоздалые откровения о совместной службе. Но если уведомления о других подобных посылках поступали в наш почтовый ящик своей чередой, из Гатчины ничего не приходило. Эх, Гатчина, Гатчина — так хорошо «прописанный» объект очень уважаемого мною М. Кураева.

Прошёл месяц. С недобрым чувством я отправился в наше почтовое отделение. При всех недостатках наших заведений так называемой «сферы обслуживания», работники нашего маленького городковского почтамта уже привыкли ко мне: я расходую почти все излишки денежных доходов на пересылку своей «продукции». Они охотно взяли оформить повторный запрос на исчезнувшую бандероль. Однако не прошло и двух дней после этого события, как всё-таки пришло долгожданное извещение.

М Е С Т О Д Л Я К Л Е Б

Письмо из Новосибирска за № 439
 (вид отправления)
 ценностью на _____ руб. с наложенным платежом
 на _____ руб. _____ коп., отправленное 16.08.96
 по адресу Гатчина, Ленингр. обл.
Новоселов 9, комн 1 кв 53
 на имя Кириченко В.Я

Вручено 19.09.96 лично В. Яковлев
 по доверенности _____

Подпись руководителя предприятия _____
 (имя, фамилия, отчество, чех, участка)

 (место подписи)
 Обведенное жиганом жертой заполняется отправлениями

Мне не хочется ничего придумывать задним числом, но то, что бандероль получила жена, а не сам Виктор Яковлевич, конечно, сразу не понравилось. Среди других дел я стал постоянно воображать комбрига разбитым инсультом (это несчастье постигло не одного моего знакомого) или в какой-то ещё беде. Понятно, что такого рода размышления делали ожидание хоть какого-то ответа от бывшего начальника особенно обострённым...

А между тем сентябрь уже подходил к концу, и вместе с этим приближались последние допустимые сроки отправки книжек в Петербург. В упомянутых выше обстоятельствах договора с издателем требовать чего-то у пожалевшего меня потомка Ивана Фёдорова было просто неудобно. Наконец он показал мне несколько не совсем ясных оттисков и прочёл очередную лекцию о качествах фольги, которая употребляется в современном печатном процессе. По сравнению с оригиналами фотографии на оттисках изобиловали множеством искажений. Поскольку, в своё время, над каждым снимком мне пришлось изрядно потрудиться, буквально «извлекая» изображения из небытия, я приуныл, но больше мягких просьб ускорить «процесс» позволить себе, естественно, не мог. Благодетель мой пообещал найти новую фольгу и успеть к назначенному сроку. Зная, что подобные непредвиденные технологические «открытия» и волокита сопровождают многие большие и малые отечественные начинания, я уже приготовился

к худшему, вплоть до полной пропажи израсходованных на затею денег. Но в последний из назначенных сроков мне прямо на дом привезли несколько пачек аккуратно переплетённых книжек. Конечно, фотографии в них так и остались с дополнительными «пузырями», но общий смысл изображаемых объектов по ним угадать было можно.

Я провозился полдня с упаковкой, и заветные посылки отправились в Петербург, другой, более надёжной и скорой оказии найти мне не удалось.

Не стану рассказывать, как я ждал известий о встрече однокашников в училище и воображал себе сцены общения ребят с моим творением, ничего нового тут нет: первый выход на «сцену». Почтовые извещения о получении книжек вернулись в Новосибирск и были помечены датой 10 октября, я вздохнул с облегчением.

Первое известие о самих долгожданных событиях поступило из Новгорода Великого. Скромнейший наш парень – Петя Михеев –

сообщал, что он был на встрече и прочёл мою книжку. О содержании её было сказано, что так, примерно, всё и у всех было. Кроме того, в письме говорилось, что у корреспондента моего отказал один глаз. И вправду, текст был написан на листке из ученической тетради совсем маленьким человеком. Если сказать по совести, ничего выше подобных бесхитростных отзывов вообразить я себе не могу. Немного раньше мой друг детства – Володя Зорин, который тоже прошёл артиллерийскую спецшколу и уволился в запас подполковником, – сказал, что всё у меня верно, только нужно поменять тельняшку на солдатскую рубаху. Не знаю кому и как, а мне дороже таких рецензий и не снится. Хотя я отдаю себе отчёт в причинах подобных симпатий к автору (мы дышим одним воздухом) и дистанции до критериев оценки настоящей литературы.

Итак, началась полоса невидимой для окружающих меня людей славы. Пришло письмо от Коли Загускина, в котором он сообщал о подробностях памятной встречи: на

ней было примерно 80 наших товарищей. Среди прочего, книжки подарили Павлу Григорьевичу Сутягину, родственникам ушедших от нас командиров, передали в библиотеку училища, Центральный военноморской музей и Центральную военноморскую библиотеку. Всех подробностей встречи здесь мне просто не воспроизвести, хотя по Колиным письмам я, сидя в Академгородке, прямо-таки воображал себя участником приятных событий.

Однако известно, что упомянутая мной величественная тётка по имени Слава имеет привычку неожиданно для ликующих героев спускать оных на грешную землю, а иногда и с весьма неприятными последствиями при отрезвляющем приземлении. Нечто подобное случилось и со мной.

Приблизительно в описываемое время медали в честь 300-летия Российского Флота добрались до Новосибирска, и началось их вручение достойным морякам. Подобно столице, сначала это делалось перед объективами телекамер, в частности, таким образом

я увидел награждение моего бывшего начальника – «новосибирского» адмирала Георгия Сергеевича Мигиренко (так его именovali журналисты). Некоторое время спустя после этого события, адмирал позвонил мне и попросил напомнить, кто ещё из моряков служил под его началом. В своё время я выполнял обязанности негласного «старпома» нашей береговой организации и, по старой памяти, продолжаю играть эту роль, шефу моему недавно исполнилось 80 лет. Вспоминать по телефону подчинённых адмиралу вскоре надоело (тем более, что некоторых из них он «в упор» не хотел видеть за какие-то грехи), и он предложил мне продолжить это занятие с представительницей совета ветеранов Елизаветой Ефимовной. Через пару дней мне позвонила энергичная общественница, и мы продолжили перечисление бывших моряков. Правда, я выразил удивление избранным способом решения столь важных (в моём понимании) персональных вопросов, сообщил, что мои познания о составе местного морского сообщества

весьма ограничены, и предложил деятельнице просто обратиться в военкомат. Уж не помню, что мне ответили на примитивное предложение, но потом звонки по вопросам поиска и сбора участников на церемонию предстоящего награждения ветеранов Флота продолжались, а я даже стал выполнять обязанности оповестителя для моих товарищей, не имеющих телефонного аппарата.

Вручение медалей было назначено на 14 часов 28 октября. Перед этим я отправился сообщить о предстоящем событии своему ближайшему морскому приятелю — бывшему командиру БЧ-5 (старшему инженеру-механику) атомной лодки капитану 1 ранга Валерию Александровичу Циндренко. С учётом того, что отец бывшего подводника был командиром роты в нашем училище, а сам военмор на десяток лет моложе меня, между нами давно установились почти родственные отношения. Тем более что по вечной иронии судьбы в 1964 году нам довелось даже вместе провести под водой целый месяц, впрочем, взаимно не догадываясь о

существовании будущего земляка. Слушайте, меня постоянно уносит куда-то в сторону от основного русла повествования...

Приятель мой не пропускал случая продемонстрировать окружающим весь блеск морской формы и посоветовал мне сделать то же самое ради процедуры такого важного мероприятия. Доводы его показались мне резонными, и начало злополучного дня я провёл в забытых хлопотах по разглаживанию тужурки и брюк: со дня ухода со службы прошло 15 лет, да и раньше на академической работе мне не часто приходилось облачаться в мундир. В назначенное время я зашёл за Валеркой, он был готов и вооружён прекрасным японским фотоаппаратом, конструкция которого включала аж три взаимодействующих компьютера и соответствующее число исполнительных моторчиков. Поверх морской формы у нас были надеты обычные штатские куртки, и, не привлекая излишнего внимания местных жителей, мы вошли в здание районной администрации.

Торжественная церемония проводилась в одном из небольших совещательных залов, с обычными опозданиями на неё собралось четыре или пять десятков бывших моряков. Это были сильно постаревшие участники Великой Войны (среди них несколько женщин) и менее потрёпанные жизнью люди послевоенного Флота. Часть из них была хорошо знакома мне по работе в Академии наук. Гардероб, естественно, не работал, многие сидели в верхней одежде, но мы пристроились на последнем ряду, сняли свои куртки и явили миру великолепие морской формы. Как говорится в настоящих литературных произведениях, в зале царила атмосфера радостного ожидания.

Среди последних опаздывающих появился военком — подполковник в форме нового образца с «пушечками» на воротнике — со своей сотрудницей и жизнерадостный лысоватый заместитель главы местной администрации, он официально представлял власть.

Военком начал свою речь несколько прозаически: он начал зачитывать параграфы

указа о 300-летию Флота с подробным перечислением требований к настоящим ветеранам. Согласно этой бумаге, чтобы попасть в их число, люди моего поколения должны были отслужить на кораблях Военно-Морского Флота не менее 10 календарных лет или 20 лет в береговых частях. Слова «не менее» и «календарных» в речи военкома были выделены соответствующими интонациями. Привыкнув помещать любые цифры в различные соотношения, я сразу подумал о допустимости линейных комбинаций между такими важными измерителями морской доблести. Попросту говоря, например, может ли достойный награды ветеран 5 лет проплавать на линкоре, а потом 10 лет прослужить в береговом складе (или наоборот). При этом военком представился мне с аптекарскими весами, вроде Фемиды (но не с завязанными глазами), а стаж соискателей зримо вытаскивался из личных дел в виде разноцветных гирь. Как выглядит предмет на другой чаше весов я рассмотреть не успел, так как обществу было сообщено,

что условием награждения памятной медалью является наличие у соискателей правительственных наград, то есть новая награда — всего лишь следствие или производная от предыдущих.

Становилось непонятным, зачем я напялил форму и пришёл на почтенное собрание: никаких орденов у меня не было. Военком сделал паузу и добавил: «...но юбилейная медаль в честь столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина приравнивается к правительственным наградам». Артистические данные этого человека были «на высоте», и все слова в именовании вождя также оказались выделенными соответствующим образом.

«Шарики» в моём мозгу закрутились с удвоенной скоростью. Медаль в честь Ленина всем офицерам центральных учреждений министерства обороны, и мне в их числе, выдали автоматически. Нынче же я к личности большевистского вождя отношусь уж очень отрицательно, и мне вовсе не хотелось прятаться за его спину ни при каких обстоя-

тельствах. Далее подловатый «внутренний голос» во мне фальцетом пропищал, что все мы служили не партии, а Родине и народу. Так то оно так, но характеристики подчинённым мы заканчивали словами «Делу Коммунистической партии предан», и сами получали такие характеристики. В общем, вместо волнительной встречи с морским прошлым я опять попал на политическое собрание.

Однако народ вокруг сидел спокойно, и начался вызов награждённых к столу, где находились устроители мероприятия. Первым вызвали человека, фамилия которого начиналась на букву «В». Какой-то остро слов из нашей компании (чёрт бы его побрал) тут же отреагировал: «А где же Брыскин?» Но сразу выяснилось, что списки составлены без помощи компьютеров, и в них не выполнено лексикографическое упорядочение: фамилии очередных вызываемых к столу никак не угадывались заранее. Впрочем, по виду награждаемых стало ясно, что начали с ветеранов Войны.

Сначала стариков сажали на стулья, они с трудом расписывались в ведомости, а потом весёлый представитель властей с присказкой вручал медали. Самому старому человеку (ему было, наверное, за восемьдесят) было просто высказано пожелание пожить ещё немного. Совершенно лысый небольшого росточка дед даже глазом не моргнул на это фривольное приветствие, может быть, он его просто не расслышал. Шло время, и мои коллеги

всё в том же алфавитном беспорядке подходили за наградами. Наконец боковым «совковым» зрением я отметил, что все они, без исключения, получили свои медали. Капитан 1 ранга Брыскин к заветному столу так и не попал. По окончании мероприятия народ начал шумно подниматься со своих мест. К нам подошёл Мигиренко, поздравил всех (меня — непонятно с чем) и сказал, что свою

медаль он получил. Ну, это я уже видел в телевизоре. Чтобы хоть как-то скрасить мою откровенную досаду, Валерка сфотографировал меня на фоне ветеранского заслуженного воздуха, потом я ещё раз позировал на ступеньках нашего административного дворца вместе с остальными собравшимися, и мы отправились в сторону своих домов. Приятель продолжал рассказывать о своём аппарате, я старался вникать в технические подробности устройства великолепной штуковины. Наконец мы дошли до девятиэтажного барака, где находится Валеркино жилище, дальше я продолжил движение в одиночку.

Не знаю как другие люди, а я в таких обстоятельствах всегда затеваю нелिцеприятный разговор со своим внутренним «alter ego».

«Ну что, старый му...! Мало тебе было прежних знаний о разнице человеческого и бюрократического взгляда на вещи. Медаль ему понадобилась. Тоже мне Тёркин. Он согласен на медаль». Дальше пошли непечатные выражения, и здесь я их воспроизводить не стану.

Дома с помощью жены я отыскал свой военный билет и попытался ещё раз посмотреть на себя глазами беспристрастных чиновников. Смотреть на соответствующей странице билета действительно было не на что. Сведения о трёхлетнем пребывании в Подготовительном училище, естественно, в казённом документе отсутствовали. После записи об остальной курсантской жизни следовало перечисление должностей, которые при определённом навыке можно отнести непосредственно к Флоту. Хотя главная из них обозначена с поразительной краткостью — «командир». Командир чего? Чушь какая-то. У меня самого ум стал заходить за разум.

вок, и при такой «торговле» пары недель до желанной награды всё равно не хватало...

Возвращаясь домой, я не забыл забрать очередную порцию корреспонденции из почтового ящика. Среди прочих посланий там был вызов на почту для получения какой-то бумаги. Переодевшись в обычное гражданское платье и дав себе слово уже никогда не одевать более ни в чём не повинную тужурку, я отправился в почтовое отделение, благо оно расположено в паре сотен метров от дома.

Бумага, которую мне выдали мне на почте, оказалась ответом на запрос о затянувшейся доставке бандероли на имя Виктора Яковлевича Кириенко.

РСФСР
МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ
НОВОСИБИРСКИЙ ПОЧТАМТ

630099, г.Новосибирск.99, Советская:33 Телефон № _____

№ 10/Б-695 г. Новосибирск, 90,
22 октября 1996 г. Ильича, 15, кв. 74,
Брыскину В.В.

По сообщению из Гатчины заказное письмо №439 от 16/8 с простым уведомление по адресу: ул.Новоселов, 9, корпус 1, кв.55 на имя Кириенко В.Я. из-за неточного адреса /следует писать Новоселов, 7, кв.55 /вручено 19/9 жене, адресат умер. Уведомление простое отправлено 19/9-96г.

Зам.начальника почтамта Т.Н.Астахова
исп. Н.упцова

Почтовые работники в Гатчине оказались куда добросовестнее сотрудников военкомата. Они не только доставили бандероль, высланную по ошибочному адресу, но и прямо сообщили мне, что адресат умер.

Я стоял с казённой бумажкой в пустоватом зале почты, все мелкие мысли о медалях как ветром вынесло из головы. Последние надежды, что какой-то человек прочтёт больному Виктору Яковлевичу моё творение, оказались напрасными. Да и сама эта моя писанина, в свою очередь, показалась ничтожной

перед вечной тайной, которая сопровождает уход человека из жизни. Как я уже точно знаю, это не просто уменьшение на несколько микросекунд численности человечества на единицу (сразу же родится кто-то «новый»), нет, конечно. Вот и во мне не стало частицы дорогого человека, который был мне моральной опорой три или четыре года совместной службы, да и потом тоже. Впрочем, почему был. Останется навсегда...

Но этим ударом судьбы злополучный день не кончился.

Среди извлечённых из ящика писем находилось послание с обратным адресом Володи Шемякина, однако почерк был мне не знаком. Моего приятеля в октябре 1995 года разбил инсульт, он «выкарабкался», но правая сторона работает плохо. Жене — Раисе Фёдоровне — и без писем хлопот хватает, и обычно наша переписка идёт в режиме монолога: в основном, по направлению Новосибирск — Пискаревский проспект Петербурга.

Оказалось, что после юбилейной встречи к Шему пришёл другой наш приятель — Володя Куликов, и они на пару сообщали мне об основных событиях последнего времени. В отличие от писанины болтливого Брыскина, послание двух друзей было предельно кратким, все упомянутые события в нём были пронумерованы, и записи о них являли собой образец экономного расходования бумаги и чернил. С распознаванием куликовского почерка я кое-как справился. Тезисов в письме было около двух десятков, если я начну их пересказ, то это сочинение, скорее всего, окончить мне не удастся, оно и так построено по принципу «матрёшки». Но один пункт послания буквально отправил меня в нокаут: ребята сообщили, что у Жени Чернова от белокровия умер сын...

Недалёкие пропагандисты нового общества много лет бубнили нам о поголовном равенстве всех людей. Это совершенно не соответствует действительности: каждый человек неповторимо индивидуален, и уже по этой причине не может быть равен какому-

то другому. Вот и в нашем маленьком сообществе, недавно отметившем своё пятидесятилетие, конечно, есть свои герои и свои аутсайдеры. Проще простого заняться классификацией подготов нашего выпуска, например, по достигнутым воинским званиям, получится кривоватая «пирамида» от «больших» адмиралов до вечных лейтенантов. Но, поверьте пожилому человеку с некоторым опытом, такая плоская картина очень мало расскажет о действительных свойствах нашего поколения. Судьба военного человека и в мирное время зависит от множества привходящих случайностей. Попал наш Толя Перейкин командиром на удалённый тихоокеанский пост СНИС, и его шансы стать главнокомандующим ВМФ из микроскопических превратились в нулевые. И, в этом смысле, например, я никогда не обольщался лишними переоценками собственной вполне благополучной военной карьеры: в подавляющей части это благополучие объясняется тем, что я попал в подводники и

вокруг меня, в основном, были порядочные люди.

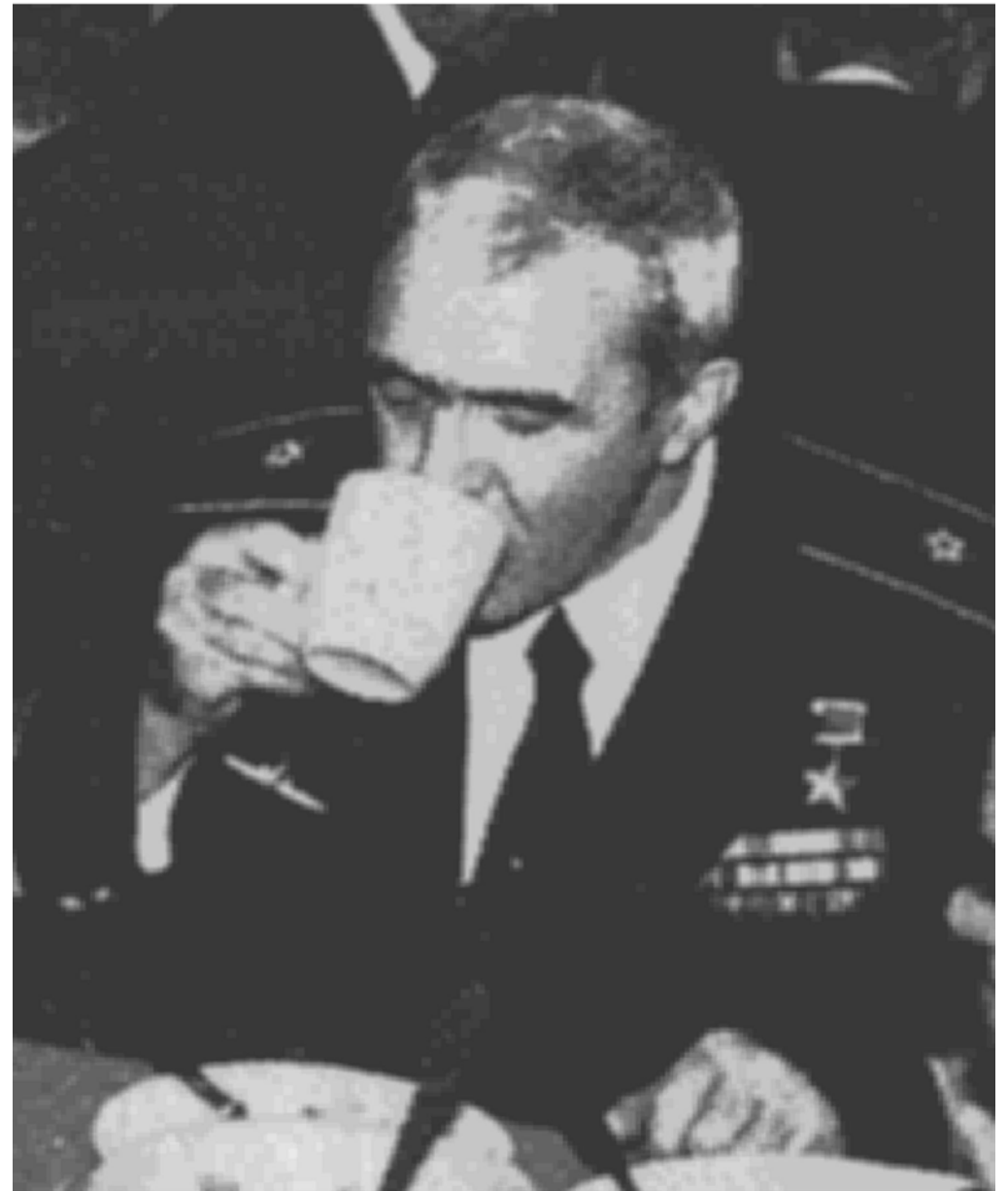
Евгений Дмитриевич Чернов пришёл служить на Северный флот и более тридцати лет непосредственно выходил в море на самых современных подводных лодках. И в академии он учился заочно, командуя в это время вводимым в строй головным глубоководным атомоходом. В конце службы на Северном флоте Е.Д.Чернов был командиром флотилии атомных подводных лодок, затем его назначили заместителем начальника Военно-морской академии. Даже простое перечисление основных этапов службы нашего однокашника служит достаточным основанием считать все его звания и награды (он стал вице-адмиралом и имеет звание Героя Советского Союза) безусловно заслуженными. Опять же прикинем, сколько человек из нас назначили в 1953 году на тот же передовой Северный флот, и скольким довелось пройти такой путь до конца, при любых возможных оговорках.

Но кроме уже отмеченной, внешней стороны военной службы, существует ещё множество человеческих особенностей, которыми различаются наши однокашники, не в обиду любому из них будь сказано. Мне ни разу не приходилось выходить с Женей в море и наблюдать его в каких-то обыденных или «острых» ситуациях. Но, по совершенно необъяснимым с рациональной точки зрения доводам, я отчётливо представляю себе, что и как скомандует наш друг в любой «острой» и «неострой» обстановке. И по этой причине немногословный мой училищный товарищ прочно занимает для меня место «подводника номер один». Во всех отношениях. Сказанное вовсе не означает, что я призываю других людей следовать моему примеру, у всех разный взгляд на одни и те же явления и события.

Знаете, мне что-то тяжело писать, давайте просто посмотрим на пару фотографий.

Женя Чернов -- дежурный по роте, 1951 год.

*Е.Д.Чернов, 25 лет после выпуска,
обед в курсантской столовой.*

Ладно, надо дело делать.

В связи с гибелью подводной лодки «Комсомолец» и другими событиями последнего времени имя нашего товарища стало попадать на страницы центральных газет. Если быть кратким, то в истории с «Комсомольцем» Евгений Дмитриевич оказался в числе немногочисленных военных специалистов и инженеров-кораблестроителей, которые не захотели принимать на веру официальную версию случившегося и не побоялись, опираясь на факты и расчёты, показать, что в числе причин катастрофы есть и немалая доля ошибок экипажа корабля. Напомним, что перед гибелью «Комсомолец» находился в надводном положении, и часть экипажа удалось спасти. Эти обстоятельства позволяют достаточно достоверно воспроизвести произошедшее с кораблём, что, в частности, и было сделано упомянутыми критиками официальной версии, которой придерживалось командование. Естественно, версия эта всё (порядки на подводном флоте) оставляла в исходном состоянии. Дополнительный

«штрих» этой истории придаёт тот факт, что тогдашний главнокомандующий ВМФ адмирал флота Чернавин в своё время был командиром лодки, в том же соединении, где старпомом служил Чернов. Но это, конечно, детали.

Как водится в подобных случаях, по отношению к нарушителю корпоративных правил быстро вспомнили о возрастных ограничениях сроков службы, и вице-адмирал Чернов был уволен в запас. Мало того, даже я в своём сибирском углу, к сожалению, имел возможность убедиться, что офицеры разных поколений неодобрительно относятся к самостоятельной позиции Евгения Дмитриевича.

А потом в газетах было написано, что во время октябрьских событий 1993 года адмирал Чернов вместе со своим сыном — тоже командиром лодки — гласно и решительно встал на сторону властей, верных президенту. Здесь я не стану лезть со своими оценками фактов нашей новейшей истории. Просто отметим, что таким образом я узнал, какую

стезю выбрал сын Жени. Как это часто бывает, газетчики поторопились: младший Чернов был старпомом, имеющим допуск к управлению лодкой, а счастья стать командиром ему так и не довелось испробовать.

Позже, из тех же газет, выяснилось, что к Флоту имеет прямое отношение и зять нашего товарища: бывшего командира БЧ-5 атомной подводной лодки Никитина, который сотрудничал с норвежской экологической организацией, привлекли к суду и посадили в следственный изолятор за разглашение «тайны» — ранее опубликованных сведений о радиационных особенностях наших лодок.

Все перечисленные события проходили далеко от Новосибирска, очень долго они и мне самому казались находящимися в некотором ином измерении. Пока я не прочитал написанные малопонятным почерком Володи Куликова слова

... умер сын от белокровия.

«Господи! — подумал ни в каких богов не верящий Брыскин, — Ну за какие грехи ты

валишь такую непосильную ношу на одного человека, который и так отдал всего себя без остатка Родине и Флоту?» Конечно, никакого смысла в этом наивном обращении не было: ни у кого нет ни меры, ни весов чтобы «измерить» или «взвесить» то, что положено каждому из нас.

Чтобы хоть немного отвлечься от абстрактных рассуждений, скажу, что у меня есть собственный опыт общения с Институтом медицинской радиологии в Обнинске и других наблюдений за гибелью бывших подводников с атомоходов. Не всё здесь примитивно просто, но нетрудно догадаться как появляется белокровие у зрелых мужчин, которые десятки раз перед этим успешно проходили всевозможные медицинские комиссии...

Я вообразил себе не знакомую мне жену

Евгения Дмитриевича и его самого, и стало мне так нехорошо, как, пожалуй, никогда в последнее время: к уходу из жизни старых людей я уже малость «притерпелся».

Через пару дней равновесие во мне несколько восстановилось, и я позвонил Чернову, чтобы узнать адрес для высылки книжки.

Не приведи, Господи, ещё раз услышать, каким голосом говорил Женя. Но вроде я не сорвался в эмоциональный «штопор», и все мои переживания остались только в сумбур-

ном письме, которое я послал вместе с книжкой.

Письмо это я кончил распечатывать уже глубокой ночью, где-то в три часа. На завтра у меня был рабочий день, нужно было хотя бы до обеда идти в институт и сочинять никому не нужные формулы...

*© Владимир Вениаминович Брыскин.
Издание автора. Новосибирск. 1997
E-mail: brys@math.nsc.ru
<http://www.math.nsc.ru/LBRT/k5/brys.html>*